

М.А. Кучерская

ЛЕСКОВ — ИНТЕРПРЕТАТОР ГОГОЛЯ

В настоящей статье анализируется круг очевидных и гипотетических источников очерка Н.С. Лескова «Путимец» (1883), главным героем которого является Н.В. Гоголь. В исследовании делается попытка доказать, что среди текстов, на которые опирался Лесков в создании ключевого персонажа, — роман М.Н. Загоскина «Юрий Милославский», юношеские письма Гоголя родным, воспоминания А.П. Стороженко. На основании результатов исследования делается заключение, что Гоголь выступает в очерке своеобразным двойником автора, а вместе с тем являет собой тип идеального, с точки зрения Лескова, русского писателя.

Ключевые слова: Лесков, «Путимец», Гоголь, Загоскин, образ идеального русского писателя, русско-украинские связи.

The paper examines both the obvious and hypothetical sources of Leskov's sketch "Putimets" whose main character is Nikolai Gogol. The paper argues that among the texts that Leskov used to construct Gogol's image are M.N. Zagoskin's novel "Jurii Miloslavskii", young Gogol's letters to his relatives, and A.P. Storozhenko's memoirs. The paper also claims that Gogol represents Leskov's own alter ego, as well as a type of the ideal Russian writer.

Key words: Leskov, "Putimetz", Gogol, Zagoskin, the type of an ideal Russian writer, Russian-Ukrainian connections.

Творчество и личность Н.В. Гоголя сохраняли для Н.С. Лескова неизменную притягательность. По биографическим мотивам для Лескова значимо было малороссийское происхождение Гоголя — это придавало лесковскому отношению к писателю личный, почти домашний оттенок¹ — и все же главным образом Гоголь был интересен Лескову как художник.

Гоголевское влияние на Лескова обсуждалось довольно тщательно². Как уже не раз указывалось, для Лескова был актуален

¹ См., например, малоизвестную «этнографическую» заметку Лескова, которая уточняет вышедшие в свет мемуары о Гоголе и вписывает Гоголя в киевскую мифологию и быт: «Кто выгнал на улицу Гоголя?» (Петербургская газета. № 74. 1885. 17 марта).

² См. в особенности: *Видуэцкая И.П.* Гоголь и Лесков (К вопросу о творческой преемственности) // Гоголь и литература народов Советского Союза. Ереван, 1986. С. 128–147; *Гроссман Л.* Н.С. Лесков. Жизнь–творчество–поэтика. М., 1945. С. 7; *Гебель В.А.* Н.С. Лесков. В творческой лаборатории. М., 1945. С. 17; *Столярова И.В.* Гоголевские традиции в сатире Н.С. Лескова // Тезисы докладов II Гоголевских чтений. Полтава, 1984. С. 46–47.

сатирический дар Гоголя, его «горький смех»³; кроме того, ему были близки многие особенности поэтики Гоголя — форма сказа, разработка житейских анекдотов, гоголевская орнаментальность и его отношение к вещи⁴. В отдельных случаях Лесков подхватывал гоголевские сюжетные ходы и мотивы⁵. Для Лескова-публициста Гоголь оставался в первую очередь авторитетным экспертом русской жизни: герой документальной повести «Загадочный человек» (1871) Артур Бенни накануне вынужденного отъезда из Петербурга сожалеет, что не прочел «Мертвых душ» до посещения России и благодаря Гоголю не понял ее лучше (СС, 3, 367). В газетных заметках Лесков регулярно использовал именно гоголевские образы для описания русских реалий и типов, особенно охотно цитируя «Ревизора» и «Мертвые души»⁶.

Гоголь обычно оставался для Лескова источником афоризмов, выразительных сюжетных элементов, своего рода, удобным цитатником, к которому можно было обратиться в случае необходимости. Речь вряд ли может идти о равноправном диалоге старшего и младшего современника — скорее, о монологе Гоголя на страницах произведе-

Результатом заинтересованного отношения ко всему, что касается Гоголя, следует считать и отклик Лескова на недостоверные, по его мнению, воспоминания о Гоголе. См.: Нескладница о Гоголе и Костомарова — *Лесков Н.С. Собр. соч.*: В 11 т. Т. 11. М., 1958. С. 208–212 (далее при ссылках на это издание — СС, номер тома и страницы), заметку, посвященную истории иллюстрирования «Мертвых душ» (Об иллюстрациях «Мертвых душ» — Н.С. Лесков о литературе и искусстве. Л., 1984. С. 197–200) и уже упомянутую заметку «Кто выгнал на улицу Гоголя».

³ См. книжную рецензию Лескова, в которой он касается природы гоголевского смеха: «Русские литературные забавы» (Н.С. Лесков о литературе и искусстве. Л., 1984. С. 57–60).

⁴ *Хализев В.* Мир писателя и бытовая культура (На материале произведений Н.С. Лескова) // *Контекст* — 1981. М., 1981.

⁵ Финал драмы «Расточитель» напоминает финал «Ревизора» (см.: *McLean H. Nikolai Leskov. The Man and His Art.* Harvard University Press, 1977. P. 169), в рассказе «Белый орел» используются те же приемы, что в повести «Нос» (*Горячкина М.* Сатира Лескова. М., 1967. С. 106–107). Махинация, описанная в рассказе «Отборное зерно» — парафраз аферы Чичикова (см.: *Edgerton, William B. Leskov's Parody on Gogol's Otbornoe zerno* // *Lingua Viget: Commentationes Slavicae in Honorem V. Kiparsky.* Helsinki, 1964. P. 38–43; *Видуэцкая И.П.* Лесков и Россия // Лесков Н.С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1996–2007. Т. 1–10. Т. 1. С. 69–70–1998 (далее при ссылках: ППС, номер тома и страницы). В «Житии одной бабы» есть прямая отсылка к сценам «Ревизора»; гоголевские мотивы присутствуют и в описании Старгорода в «Соборьянах».

⁶ Примеров тому множество, вот только некоторые из них: в статье «Несколько слов о полицейских врачах в России» — эпиграф из «Ревизора», здесь же уездные врачи сравниваются с Бобчинским и Добчинским (ППС. Т. 1. С. 173, 176); в заметке «О найме рабочих людей» упоминаются взятки шубами и борзыми щенками (ППС, Т. 1. С. 235); «Из одного дорожного дневника» (ППС. Т. 2. С. 63 — упоминается Собакевич), «О российской-американской компании» (цитируется Хлестаков — ППС. Т. 2. С. 520); «Санкт-Петербург, 8 марта» (ППС, т. 6, с. 492 — эпизод с Чичиковым, которого приняли за Наполеона, используется для иллюстрации возможности самых разных дикостей в народных мифологиях и т.д.

дений Лескова. За единственным, однако, значимым исключением. Однажды Гоголь выступил в роли персонажа лесковской прозы. И вот тут можно говорить уже о лесковской *интерпретации* идей и мировоззрения Гоголя. Отметим также, что хотя Лесков посвятил русской словесности множество разборов и рецензий, писал о Толстом, Тургеневе, Достоевском, Островском, Чернышевском, только Гоголь оказался еще и литературным его героем.

В 1883 году в четырех номерах Газеты А. Гатцука, начиная с 10-го сентября, был напечатан очерк Лескова «Путимец», с подзаголовком: «из апокрифических рассказов о Гоголе». Поводом к написанию рассказа, как отметил здесь же Лесков, послужила публикация в «Киевской старине» (1883, № 3) писем Гоголя, которые и пробудили в памяти писателя воспоминания об одном устном рассказе, касающемся юношеских лет Гоголя.

Далее Лесков делает все, чтобы дать почувствовать читателю: рассказ этот — *апокрифический*, то есть, вероятнее всего, фантастический — и предельно размывает фокус, умножая количество пересказчиков истории до трех. Он сообщает, что слышал ее от художника Ивана Васильевича Гудовского⁷ в 50-е годы, то есть в годы пребывания в Киеве; Гудовский, в свою очередь, пересказывал эту историю со слов некоего Черныша⁸, а уже тот со слов своего родича, который учился с Гоголем в Нежинском лицее и был непосредственным участником описываемых событий. Итак, история, считает важным указать автор, дошла до нас из четвертых рук, что заведомо уменьшает ее достоверность, но ничуть не снижает ценности. «Если даже все это и целиком все сплошная фантазия (что допустить очень трудно), — оговаривается Лесков, — то почему не послушать, как фантазировали о гениальном юноше его соотечественники» (СС, 11, 45).

Напомним, что сюжет очерка сводится к следующему. Юный Гоголь вместе с товарищем по имени Черныш едет из Нежинского лицея в деревню, в гости к общим знакомым. В дороге между Гоголем и его приятелем разгорается спор о кацапах и малороссах — отметим сразу, спор принципиальный для реконструкции замысла очерка.

⁷ Киевский учитель рисования, упоминаемый и в других произведениях Лескова, — особенно обильно в «Печерских антиках».

⁸ Как указывает в опубликованных комментариях к рассказу И.Я. Айзеншток, упоминание о Чернышах присутствовало в рассказе сестры Гоголя, Анны Васильевны, которая, говоря Г.П. Данилевскому об окружении молодого Гоголя, заметила: «В деревне Толстое, в шести верстах от нас, жили Черныши, которых брат любил» (Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 462). У Чернышей, потомков хорошо известного в свое время генерального судьи Ивана Черныша, были обширные знакомства среди помещиков Полтавской губернии. Василий Иванович Черныш был отчимом одного из ближайших друзей Гоголя по Нежинской гимназии, А.С. Данилевского. Не исключено, что именно Данилевский и являлся героем этой истории, возможно, впрочем, никогда не бывшей. У Лескова товарищ Гоголя «для удобства в изложении» назван Чернышем.

Черныш отзывается о русских презрительно, указывая «на кацапское бесстыдство, попрошайство, лживость, божбу и прочее» (СС, 11, 48)⁹. Гоголь возражает, что хотя кацапы «надувалы и прихлебалы», зато «они как умственно, так и нравственно могут возрастать столь быстро, как никто иной на свете». «Сегодня стяжатель и грешник — завтра все всем воздал с лихвою и всем слуга сделался; сегодня блудник и сластолюбец — завтра постник и праведник» (СС, 11, 49). Путники, мучимые жаждой, заезжают в село и попадают к кацапу, продающему молоко, — «очень красивому старику», который напоминает Гоголю Гостомысла, а на вопрос, откуда он родом, отвечает «путимец». Но Путимец берет за молоко значительно выше обычной цены, и Гоголь решает разыграть его, говоря, что в соседнем селе за кувшин молока берут еще больше, а затем поясняет Чернышу свой поступок: «Ты увидишь, зачем я так сделал, — я сделал это для того, чтобы он покался». Но сейчас же начинает переживать, кается, приехав в гости к знакомым, ночью молится о себе и России, и едва не отправляется среди ночи к кацапу просить прощения. Впрочем, на следующий день Гоголь снова весел. На обратном пути в Нежин приятели заворачивают к знакомому старику выпить молока и узнают, что его жестоко избили два проезжих офицера, с которых Путимец, очевидно, потребовал слишком высокую плату за молоко. На этот раз он просит с Гоголя и Черныша сколько дадут. Из этого Гоголь снова заключает, что Путимец «неприменно раскается и хорошо кончит». Спустя годы, уже после кончины писателя, Черныш снова едет через то же село и встречается там возмужавшего внука Путимца, Егорку, который и рассказывает Чернышу, что старик жив, но давно не торгует, потому что ушел в Нилов Столбенский монастырь, где «самые поганые ямы чистит». Таким образом, предсказание Гоголя, что Путимец покается и «хорошо кончит», сбывается.

Анекдот, положенный в основу очерка «Путимец» и рассказанный Лесковым как случившийся с Гоголем, представляет собой развернутый пересказ эпизода из романа М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году»¹⁰. В романе Загоскина трое путников: Юрий Милославский, его слуга Алексей и запорожец Кирша — вынуждены были купить у старухи два кувшина молока — она единственная в деревне согласилась им продать молоко, но продала втридорога. Хитрый и предприимчивый Кирша (качества, которые Загоскин очевидно ассоциирует с казачеством Запорожской Сечи),

⁹ Подобные обвинения в адрес кацапов, или «москалей» — общее место в украинском фольклоре, в частности, в пословицах. См.: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000. С. 36–37.

¹⁰ См.: *Хализев В., Майорова О.* Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова. М., 1983. С. 229. Эпизод со старухой см.: *Загоскин М.Н.* Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1 (сост., вст. ст., комм. А. Пескова). С. 150–153.

мстит жадной торговке, говоря, что в соседнем селе за молоко берут еще дороже, — старуха верит, и следующий покупатель сейчас же побивает ее за несоразмерную цену.

К началу 1880-х гг., времени создания «Путимца», широкая популярность романа М.Н. Загоскина осталась в далеком прошлом, хотя Лесков, вероятнее всего, читал его, по крайней мере, в юности — во всяком случае «Юрий Милославский», как и другие сочинения Загоскина, регулярно переиздавались, пусть ссылок именно на этот роман в опубликованных сочинениях Лескова не встречается¹¹. С полной определенностью судить о том, насколько осознанно Лесков цитировал Загоскина в «Путимце», вряд ли возможно. Предположение, что с юным Гоголем действительно случилась подобная история, и он сам (несомненно прилежный читатель Загоскина) просто следовал изложенной в «Юрии Милославском» схеме, рассматривать не будем как маловероятное — во всяком случае, никаких следов подобного происшествия в биографической литературе не находим. Не стоит исключать вовсе, что Лесков действительно только пересказывал слышанную когда-то историю о юном Гоголе, не помня подробностей «Юрия Милославского», — тогда заимствование оказывается на совести самого первого рассказчика анекдота.

Более вероятным представляется вариант, при котором Лесков произвел заимствование совершенно сознательно, аккуратно замаскировав следы, — страсть Лескова к литературным мистификациям известна и неоднократно обсуждалась¹². И если Загоскин был процитирован Лесковым сознательно, следует отметить изящество и игривость его литературного жеста.

Потому что Лесков рассказывает о Гоголе анекдот, взятый из романа, который, во-первых, весьма актуален для автора «Тараса Бульбы» и одновременно отсылает к известному месту в «Ревизоре» о «другом» «Юрии Милославском», во-вторых, текст Загоскина громко славит русский национальный характер, проникнут «русским духом» (С.Т. Аксаков)¹³, что поддерживает и ключевую идею «Путимца», утверждающего нравственную красоту русской души. Немаловажно и то, что в основу «Юрия Милославского» положено *путешествие*

¹¹ «Юрий Милославский» выходил в 1841, 1846, 1851, 1856 гг. в Москве, затем после долгого перерыва в 1882 г., уже незадолго до «Путимца». В опубликованных сочинениях Лесков несколько раз поминает Загоскина, хотя обычно ссылается на его повесть «Вечер на Хопре» (см., например, «Русское общество в Париже» — ПСС, 3, 310; очерк «Бессребреник» — ПСС, 7, 223).

¹² См.: Майорова О.Е. «Непонятное» у Лескова (О функции мистифицированных цитат) // НЛО. 1994. № 6. С. 59–66; Ранчин А. К поэтике литературной мистификации: Легенды Н.С. Лескова по старопечатному Прологу // Тыняновский сборник. Вып. 10. М., 1998. С. 96–117; Жолковский А.К. Маленький метатекстуальный шедевр Лескова — НЛО, 2008, 93.

¹³ Аксаков С.Т. Биография Загоскина // Аксаков С.Т. Разные сочинения. М., 1858. С. 275.

главного героя, Юрий Дмитриевич почти постоянно находится в пути — структурный элемент, объединяющий роман Загоскина с очерком Лескова. Отчасти в пользу осознанности заимствования говорит и сочетание «русская удаль», любовь к которой Лесков приписывает Гоголю: «Гоголь <...> в самом деле не разделял крайностей малороссийской нетерпимости, а даже любил «русскую удаль», — он начал по поводу ямщика-малорусса разговор о типическом ямщике великорусском, человеке по преимуществу общительном, разговорчивом и веселом» (СС, 11, 47).

Лесков употребляет словосочетание в кавычках, ощущая его маркированность, а возможно, и цитируя «Мертвые души», где это сочетание встречается, однако «должно сказать, что подобное явление редко попадает на Руси, где все любит скорее развернуться, нежели съежиться, и тем поразительнее бывает оно, что тут же в соседстве подвернется помещик, кутящий во всю ширину русской удали и барства, прожигающий, как говорится, насквозь жизнь» (ПСС, 6, 120).

К 1880-м гг., времени написания «Путимца», словосочетание «русская удаль» давно стало устойчивым; небезынтересно, однако, что «русская удаль» — концептуальная составляющая русского характера уже в романе «Юрий Милославский» (ср. «А кто его удержит, боярин? Русский человек на том стоит: где бедовое дело, тут-то удаль свою и показать»¹⁴). Загоскин несколько раз использует это словосочетание и в книге «Москва и москвичи»¹⁵.

Впрочем, «Юрий Милославский» — далеко не единственный источник «Путимца», обратится теперь к другим, как очевидным, обозначенным Лесковым уже открыто, так и гипотетическим.

В заглавие очерка вынесено весьма редкое слово, «путимец», которое, заметим, не встречается ни в одном из словарей русского языка, включая исторические. Вот как оно появляется в тексте:

«Гоголь, находясь все в том же веселом ударе, разговорился с хозяином: давно ли он здесь, откуда родом и как идут его дела, и пр., и пр.?

Почтенный Гостомысл на все отвечал не спеша и с повадкой, а на вопрос о том: “откуда”, — он коротко молвил: “путимец”. Это слово страсть как понравилось Гоголю...

—“Путимец”!“Путимцы”! — повторял вполголоса, обращаясь к Чернышу, Гоголь. — Какие хорошие звуки! И как у них все это кстати. Не намеренно, но кстати: человек “путимский”, и вот он сел и сидит *при пути*, и кому надо этот путимец сейчас услужит вот так, как нам, а проезжим людям, которые в этом нуждаются, хорошо. При путях

¹⁴ Загоскин М.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 158.

¹⁵ См. подробнее в Национальном корпусе русского языка, фиксирующем использование сочетания «русская удаль» в русской литературе XIX в., в том числе у Загоскина: <http://www.ruscorgpora.ru>.

сидят «путимцы». Честное слово — это прекрасно! А притом ведь эти путимцы народ исторический: они ведь, как «куряне ведомые-то кмети», — еще в «Слове о полку Игореве» упоминаются. Встарь они Ярославну оберегали, слышали ее стоны и вздохи, а нынче сошли на другое, сидят на путях дворниками, и все ничего: везде эти ведомые кмети пригодны...» (СС, 11, 54).

Путимец — значит, житель Путивля, древнего города на границе Руси и Степи. Слово это могло быть у Лескова на слуху с детства: на юге Орловской губернии находилось (и находится по сей день) село и речка с таким названием. Но чтобы читатель не сомневался, что город Путивль выбран среди многих населенных мест намеренно, Лесков напоминает о его историческом значении, причем ссылается не на древнерусские летописи, в которых это слово встречается¹⁶, а на художественный текст, так как здесь ему важно поместить это слово не в исторический, а в поэтический контекст.

В не совсем точно цитируемом Лесковым фрагменте из «Слова о полку» поминаются отнюдь не путимцы, а именно «куряне», т.е. жители Курска, собравшиеся под знамена Всеволода Святославовича, брата Игоря и князя трубчевского и курского. «А мои ти куряни, — говорит князь Всеволод, — сведоми кмети: под трубами повити, под шелома възлелеяны, конец копия въскормлени...». Хотя и путивльцы, или путимцы, в соединенном войске князя Игоря Новгорода-Северского, естественно, присутствовали — их привел его сын Владимир Игоревич, выступивший как раз из Путивля. Но Лескову не до исторических тонкостей, ему важно дать общую ссылку на «Слово о полку Игореве» и тем самым задать парадигму восприятия всего следующего сюжета.

В контексте спора Гоголя и Черныша о хохлах и кацапах, который происходит во время путешествия сквозь жаркую «малороссийскую степь», упоминание «Слова о полку Игореве» подчеркивает противопоставление духовного и «недуховного» пространства, где путимцы оказываются воителями и носителями христианского начала, малороссам же неожиданным образом отводится роль половцев-язычников¹⁷.

Другая данная Лесковым историческая проекция — Гостомысл, полупоэтический герой ильменских словен, мудрый и храбрый воин, победивший, согласно преданию, варягов. Очевидно, Гостомысл, имевший репутацию мудреца и победителя, необходим Лесковым для усиления мотива победы Путимца — прежде всего, разумеется, духовной.

Первое указание на то, что Путимец обладает потенциалом к духовному преображению, звучит уже в речи больного хлопчика, который и рассказывает жажущим (буквально) приятелям о кацапе

¹⁶ См., например: Русская летопись по Никоновскому списку. Ч. 2. СПб., 1767. С. 92.

¹⁷ На актуальность «степного» контекста в «Путимце» нам указал А.Л. Лифшиц.

и удивительных свойствах его молока. «Так в нем и дух и вкус есть, да такой вкус, что и сказать нельзя, а если жадной душою в такую жару человеку целый глечик выпить, то враз ему столько много силы прибудет, что потом хоть отбавляй — девать некуда» (СС, 11, 51). Молоко здесь очевидно сопоставлено с живой водой, которой в малороссийской деревне не обладает никто, кроме кацапа.

В очерке присутствует и второй путимец — это, конечно, сам Гоголь. Неслучайно именно он производит у Лескова этимологию слова *путимец* от *пути*, поддерживая любимую лесковскую игру. Понятно, что это «простодушное» толкование высвечивает в образе автора «Мертвых душ», поэмы, один из смыслообразующих мотивов которой дорога, его связанность с идеей пути, когда внешнее движение — символ движения внутреннего. Не только старик-кацап, но и Гоголь в пространстве очерка также проделывает свой непростой путь: от жестокого розыгрыша к покаянию и к молитве: «Он молился... О ком: о себе, о Путимце, о России, которую он так чисто любил и так нежно защищал, меж тем как она «была черна неправдой черной»... Но тогда тем более причин было о ней молиться...» (СС, 11, 61).

Еще один источник «Путимца», открыто указанный Лесковым, — письма Гоголя Василию Васильевичу Тарновскому, опубликованные в «Киевской старине», чтение которых, по признанию Лескова, и пробудило в нем воспоминания о слышанной когда-то истории.

Юный Гоголь у Лескова способен и к шутке, и к розыгрышу, вместе с тем это молитвенный, мистически настроенный юноша, он глубоко кается в своем поступке, думает о судьбах России, читает в человеческих сердцах и предсказывает удивительную перемену, которая случится с Путимцем. Это духовидец и мистик уже в юные годы. Между тем, заглянув в письма, опубликованные в «Киевской старине», можно только удивляться, сколь мало их автор похож на лесковского Гоголя.

В «Киевской старине» опубликованы два письма 24-летнего Гоголя из Петербурга его бывшему однокашнику по Нежинской гимназии Василию Тарновскому. В первом письме (от 2 октября 1833 г.) Гоголь бранится из-за того, что письмо, писанное Тарновским в апреле, дошло до него лишь в октябре: «Фу ты пропасть, какая скорая почта! ... Как бы то ни было, только я обрадовался письму, чертовски запоздалому»¹⁸. Далее Гоголь едко комментирует место пребывания Тарновского: «Житомир! Клянусь Иисусом, если мне не во второй раз только приходится произносить это имя. Один раз, когда Мой-

¹⁸ Киевская старина. 1883. № 3. С. 624 (далее «Киевская старина» и номер страницы); или: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. Письма. Л.: АН СССР. Т. 10. С. 278 (далее — ПСС, номер тома и страницы). Даем двойные ссылки из-за отдельных расхождений и различий в купюрах. При цитировании опираемся на журнальную публикацию как на более полную.

сеев¹⁹ спрашивал урок, а другой ныне» (ПСС, 10, 279). Здесь Гоголь поминает черта и едва ли не богохульствует. Затем он сообщает новости об однокашниках. «Наши одноборщники все, слава Богу здоровы. Прокопович Николай женился на молодой, едва только выпущенной актрисе. Прокопович Василий получил х..., Кукольник наваял дюжину трагедий. Романович не добыл ума ни на копейку после того, и часто, идя на должность из Литейной на Гагаринскую, забегает по дороге ко мне в Малую Морскую»²⁰ (ПСС, 10, 279).

Второе письмо Тарновскому, от 7 августа 1834 г., не менее игриво: Гоголь бранит профессора Максимовича²¹ «мерзавцем» и обещает поколотить «во все боки» за то, что тот не пишет; а затем в раблезианском духе расспрашивает приятеля о здоровье. «Что, как твое здоровье? Как с... ты, вкруть или всмятку? И регулярно или нерегулярно? <...> Имеешь ли хороший аппетит и чем именно более всего обжираться — арбузами, или дынями, или грушами? <...> И какой у... обыкновенно употребляешь — фаянсовый или медный?» (ПСС, 10, 335).

В письмах Тарновскому, Лесковым внимательно прочитанных, перед нами озорной, резкий, веселый Гоголь, мало похожий на героя «Путимца». Хотя Лесков не вовсе отказывает своему герою в склонности к развлечениям, Гоголь в лесковском очерке танцует с местными девчатами, бегает с детьми по рощам, и все же портрет его в «Путимце» значительно благообразнее прототипа, реального Николая Васильевича, так и сыплющего в письмах товарищам крепкими словечками.

Любовь Гоголя к семантически окрашенному слову, проявившаяся уже при составлении «Книги всякой всячины» (1829–1830), а позднее высказанная, в частности, в «Мертвых душах» в знаменитом авторском отступлении «выражается... русский народ», связанном, заметим, с неприличным прозвищем Плюшкина, — у Лескова представлена в редуцированном и скорректированном виде. Его юный Гоголь смакует не столько острое или этнографически значимое, сколько просто необычное и редкое словечко — тем самым уподобляясь самому Лескову, как известно, весьма увлеченному подобного рода языковой экзотикой. И в этой детали проступает еще одна грань многоликого Путимца: это и старик-кацап, это и Гоголь, но это и сам Лесков.

¹⁹ К.А. Моисеев — преподаватель русской истории, географии и статистики в нежинской гимназии (ПСС, 10, 466).

²⁰ Киевская старина, 625.

²¹ Максимович Михаил Александрович — профессор ботаники Московского университета, в момент написания письма профессор русской словесности Киевского университета, издатель украинских народных песен (ПСС, 10, 455–456), знавший Гоголя и состоявший с ним в переписке.

Конструируя своего Гоголя-путимца, Лесков мог опираться и на другие источники, помимо названных. И хотя здесь мы вступаем в область предположений, с немалой долей вероятности можно говорить об использовании Лесковым воспоминаний уроженца Полтавской губернии Александра Петровича Стороженко (1806–1874), впервые опубликованных в «Отечественных записках» в 1859 г. (№ 4). А.П. Стороженко описывает, как 18-летний Гоголь-гимназист, отправившись с ним на прогулку, сначала страшно разгневал, зато потом совершенно очаровал малороссийскую селянку: «искусство, с которым Гоголь укротил взбешенную женщину, казалось мне невероятным; в его юные лета еще невозможно было проникать в сердце человеческое до того, чтоб играть им как мячиком; но Гоголь, бессознательно, силою своего гения, постигал уж тайные изгибы сердца»²². Далее Стороженко передает разговор с Гоголем, в котором тот предстает едва ли не этнографом:

«— Удивляюсь вам, — сказал я Гоголю, — когда вы успели так хорошо изучить характер поселян.

— Ах! если б в самом деле это было так, — отвечал он с одушевлением, — тогда всю жизнь свою я посвятил бы любезной моей родине, описывая ее природу, юмор ее жителей, с их обычаями, поверьями, изустными преданиями и легендами. Согласитесь: источник обильный, неисчерпаемый, рудник богатый и еще непочатый.

Лицо Гоголя горело ярким румянцем; взгляд сверкал вдохновенно; веселая, насмешливая улыбка исчезла, и физиономия его приняла выражение серьезное, степенное»²³.

Рассуждения Гоголя о важности «обычаев, поверий, изустных преданий и легенд» еще в гимназические годы, очевидно, представляет собой позднейшую, идеалистическую реконструкцию облика писателя, опирающуюся на объем информации, значительно более поздней по происхождению, чем время действия описываемой Стороженко истории²⁴. Механизм этой реконструкции, как и идея поместить в центр рассказа двух приятелей на природе, встречающих селян, вполне могли быть заимствованы Лесковым из этих мемуаров. У Лескова Гоголь также читает в человеческих сердцах и с интересом

²² Стороженко А.П. Воспоминание // Н.В. Гоголь в воспоминаниях современников / Ред., предисл. и комм. С.И. Машинского. М., 1952. С. 57.

²³ Там же.

²⁴ Среди источников как Стороженко, так и Лескова могли быть юношеские письма писателя, опубликованные П.А. Кулишем в первом собрании сочинений Гоголя (1857) и до этого в «Записках о жизни Николая Васильевича Гоголя» (т. 1–2, СПб., 1856), в которых Гоголь размышляет о необходимости приносить пользу отечеству и счастье гражданам — см., например, письма М.И. Гоголь от 27 марта 1824, П. Корявовскому от 3 октября 1827 (ПСС, 10, 111–112). Ср. также самохарактеристику Гоголя в «Авторской исповеди»: «Говорили, что я умею не то что передразнить, но угадать человека, т.е. угадать, что он должен в таких и таких случаях сказать, с удержанием самого склада и образа его мыслей» (ПСС, 8, 432).

относится к фольклору, он даже записывает за нянькой в доме, в котором гостит с приятелем, песенную шутку, пословицы и прибаутки, правда — комическим образом — нянька эта вовсе не малороссиянка, а землячка Лескова — орловка.

Лесковский Гоголь интересуется не малороссийским, а так сказать, «великорусским фольклором» — вероятнее всего, это вовсе не ошибка, а продуманная деталь, так как в идейном центре «Путимца» находится противопоставление малороссов и кацапов, что и помещает очерк в объемный и тщательно прописанный к началу 1880-х гг. «русско-украинский» текст.

Актуализация малороссийской темы в это время у Лескова объясняется, вероятно, начавшимся сотрудничеством с журналом «Киевская старина», созданным в 1882 г. и посвященным украинской истории. Специально для «Киевской старины» Лесков пишет «Печерские антики», которые выходят в 1883 г. (т. V, № 2, 3 и 4); в том же году, хотя и для других изданий, публикует заметки о Тарасе Шевченко. На этом фоне появление очерка о Гоголе выглядит совершенно объяснимо.

В 1883 г. (год выхода в свет «Путимца») в «Историческом вестнике», для которого Лесков также писал, публикуется исследование профессора Киевской духовной Академии Н.И. Петрова «Очерки из истории украинской литературы». Лесков, несомненно, читал «Очерки», так как откликнулся на них неподписанной заметкой в газете²⁵, а в письме главному редактору журнала С.И. Шубинскому (от 23 июля 1883 г.), подтвердил свое авторство²⁶. Работа Петрова также могла послужить еще одним источником для рассказа «Путимец».

Шестая глава «Очерков»: «Украинский национализм или школа Гоголя в украинской литературе» — посвящена доказательству положения о том, что Гоголь сыграл роль посредника между украинской и русской литературой, переведя малороссийскую культуру на общелитературный, то есть русский язык: «Он пишет на общелитературном языке русском и, таким образом, делает свои произведения достоянием всей русской литературы»²⁷.

Петров цитирует известное письмо Гоголя к А.О. Смирновой-Россет от 12 (24) декабря 1844 г.: «На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой — явный знак, что они должны пополнить одна другую» (ПСС, 12, 419). С сочувствием Петров приводит и

²⁵ Новости и биржевая газета. 1883. № 104. 16 июля.

²⁶ СС, 11, 683.

²⁷ Исторический вестник. 1883. Т. 9. № 8. С. 230.

фрагмент из статьи Кулиша, в которой Гоголь представлен как просветитель великоруссов. «Со времен Гоголя, взгляд великоруссов на натуру украинца переменялся: почуяли в этой натуре способности ума и сердца необыкновенные, поразительные...»²⁸.

Гоголь Лескова — заступающийся за великоруссов — мало похож на корреспондента Смирновой-Россет, признающего равенство двух «природ», тем более на Гоголя-просветителя великоруссов, в «Путимце» он занимает отчетливо прорусскую позицию — по достаточно очевидной причине.

Как, надеемся, продемонстрировал наш разбор, Гоголь в очерке «Путимец» выступил, с одной стороны, своеобразным двойником самого Лескова, с другой — идеальным русским писателем, страждущим за Россию и русского человека. Понятно, что такой, «проинтерпретированный» в соответствии с собственными взглядами и пристрастиями, Гоголь совершенно органично существует в лесковском космосе — где объединяется Русь и степь, Орел и Киев, история и литература, а любая биография становится проповедью.

Список литературы

- Видуэцкая И.П.* Гоголь и Лесков (К вопросу о творческой преемственности) // Гоголь и литература народов Советского Союза. Ереван, 1986.
Гроссман Л. Н.С. Лесков. Жизнь-творчество-поэтика. М., 1945.
Гебель В.А. Н.С. Лесков. В творческой лаборатории. М., 1945.
Хализев В., Майорова О. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова. М., 1983.
Эйхенбаум Б.М. «Чрезмерный писатель» (К 100-летию со дня рождения Н. Лескова) // Эйхенбаум Б.М. О прозе. Л., 1969.
McLean H. Nikolai Leskov. The Man and His Art. Harvard University Press, 1977.
Edgerton William B. Leskov's Parody on Gogol's *Otbornoe zerno* // *Lingua Viget: Commentationes Slavicae in Honorem V. Kiparsky.* Helsinki, 1964.

Источники

- Н.В. Гоголь в воспоминаниях современников / Ред., предисл. и комм. С.И. Машинского. М., 1952.
Загоскин М.Н. Сочинения: В 2 т. / Сост., вступ. ст., комментарий А. Пескова. М., 1988.
Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1957.
Лесков Н.С. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 1–10. М., 1996–2007.

Сведения об авторе: *Кучерская Майя Александровна*, профессор Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», писатель, литературный критик. E-mail: mayakuch@rambler.ru

²⁸ Там же. С. 250.